аутсорсинга. Получает распространение так называемый near-shoring – размещение производства в близких регионах (например, из Франции в Марокко).

Термин «новая нормальность», хотя пока ещё мало что объясняет, всё же обещает некое прояснение в понимании нынешнего экономического положения. Уже упоминавшийся Н.Рубини после своего успеха в качестве предсказателя высказывается осторожно. В отличие от Кругмана, он считает настораживающим фактором замедление роста китайской экономики, особенно после 2013г., что может повлечь за собой вторую волну депрессии. Надо заметить, что китайская экономика не играла сколько-нибудь заметной роли в годы мирового экономического кризиса 30-х годов. Это существенно отличает реальность XXI века (и видимо, ограничивает использование классических моделей), которые, как полагает Кругман, возможно применить сегодня.

Мировой экономический форум в Давосе, собравшийся традиционно в январе 2013 г., предпослал этой формально неформальной встрече девиз «Гибкий динамизм», чтобы, видимо, не «травмировать» собравшихся категориями, ставшими в последние годы столь употребительными – кризис, рецессия, спад и т.д. Но такой девиз объективно подразумевает, что в мире происходят быстрые сдвиги, кардинальные изменения, в которых надо искать решение насущных экономических и связанных с ними политических проблем. Остается только выяснить – какие сдвиги и какие решения.

А.В. Авилова

«ПЕРЕЗАГРУЗКА» ЕВРО

Для Европы 2012 год стал годом роста протестных настроений, вызванных антикризисной политикой и мерами защиты евро. Обострение ситуации на юге ЕС заставило сделать первые шаги к реализации «дорожной карты», означающей переход к новому этапу европейской интеграции. Начался поиск компромиссного курса, открывающего возможность сочетать бюджетную дисциплину с расширением возможностей маневра и мерами содействия экономическому росту.

Экстренная ситуация. В первой половине года руководству Еврозоны пришлось столкнуться с дестабилизацией положения на южной периферии. В Греции развивался острый политический кризис[16]. Временное правительство Л. Пападимоса провело через парламент очередной (пятый) пакет мер по ужесточению бюджетной политики, в который входили – наряду с сокращением минимума заработной платы, отменой 13-й и 14-й зарплат, уменьшением пенсий и т.д. - приватизация ряда государственных предприятий и увольнение, в течение трех лет, 150 тыс. служащих. Посягательство на государственный сектор, своего рода «священную корову» в Греции, вызвало раскол в правительстве и массовые уличные протесты в столице. Принятые меры позволили заключить оглашение с «тройкой» (ЕС, МВФ и ЕЦБ) о второй программе финансовой помощи (на 120 млрд. евро), а также достичь договоренности с кредиторами о списании половины накопившегося долга. Но это все равно обернулось стремительным падением электоральной поддержки правительства. На внеочередных парламентских выборах 6-го июня двухпартийная система, просуществовавшая в течение 30 лет, обрушилась: обе ведущие партии получили менее чем по 20% голосов, а

[16] См. подробнее: Квашнин Ю.Д. Греция: от экономического кризиса к политическому. / Год планеты, ИМЭМО РАН, 2012.

триумфатором стала леворадикальная коалиция СИРИЗА, требовавшая пересмотреть условия финансового соглашения с «тройкой».

Политический кризис достиг апогея, когда выяснилось, что ни одна из партий не может сформировать правительство. Перевыборы, назначенные на 17-е июня, проходили в обстановке беспрецедентной напряженности. Европейские партнеры Греции заявили, что в случае отказа выполнять финансовые соглашения помощь прекратится и встанет вопрос о выходе страны из Еврозоны. По итогам новых выборов удалось сформировать формально коалиционный, а фактически правоцентристский кабинет А. Самараса, опирающийся на условную поддержку нескольких политических сил, включая СИРИЗА, которая продолжала требовать пересмотра соглашений. Новое правительство, находясь под двойным давлением – извне и со стороны оппозиции, пыталось растянуть сроки выполнения этих соглашений. Состояние экономики между тем ухудшалось, проведение реформ отставало от намеченного графика.

К середине года обострилась ситуация в Испании. После 12 лет предкризисного бума, развернувшегося в сфере туризма и строительного бизнеса, испанская экономика превратилась в «долговую»: темпы роста расходов, значительная часть которых приходилась на необеспеченные потребительские и ипотечные кредиты, далеко опережали рост бюджетных поступлений и производственной деятельности. К началу кризиса накопленная задолженность банков, семей, предприятий и государства в 3,5 раза превосходила величину ВВП. В особенно тяжелом состоянии оказалась банковская система, в том числе сеть региональных сберегательных касс, глубоко вовлеченных в строительную сферу, а с ними – и вся система автономных региональных бюджетов.

Банковский кризис повлек за собой резкий спад в реальном секторе экономики и рост безработицы, достигшей 25% активного населения (самый высокий уровень в ЕС). Началась массовая утечка из страны капитала и банковских депозитов. Для начавшейся реорганизации системы требовалось, по разным оценкам, от 300 до 500 млрд. евро. Летом 2012 года испанская экономика стояла на грани дефолта: величина «спрэда»[17]. по ее долгосрочным облигациям превысила считающийся критическим уровень 7% Испания практически утратила доступ к внешним источникам рефинансирования своих долгов, и правительству пришлось обратиться к ЕЦБ с просьбой о займе до 100 млрд. евро для реорганизации банковской системы.

Как и в Греции, кризис здесь перерос в политический протест, нашедший выражение в массовых уличных манифестациях и забастовках[18]. Неолиберальный поворот экономического курса произошел еще в 2010 г. при левоцентристском правительстве Х.-Л. Сапатеро, которое после безуспешных попыток овладеть ситуацией потерпело сокрушительное поражение на внеочередных выборах в ноябре 2011 года. Пришедший ему на смену правоцентристский кабинет, руководимый М. Рахоем, полностью подчинил свою политику требованиям «тройки», хотя из соображений престижа воздерживался от обращения за полномасштабной финансовой помощью. Кризис резко усилил сепаратистские настроения в Каталонии, автономное правительство которой ввиду несогласия с «несправедливой» налоговой политикой центральных властей поставило вопрос об отделении и потребовало проведения референдума.

---

[17] Т.е. разрыва с курсом государственных облигаций Германии, считающимся эталоном в Еврозоне, что отражает величину инвестиционного риска и свидетельствует о падении доверия международных рынков к экономике страны.

[18] О движении «возмущенных» подробнее: Хенкин С.М. Испания в полосе турбулентности. // Мировая экономика и международные отношения, N 4, 2012.

Собравшийся на фоне этих событий саммит «большой двадцатки» (май 2012 г.) констатировал, что Европа, как никогда раньше, превращается в средоточие мировых рисков. Глава МВФ К. Лагард заявила, что углубление кризиса в Европе может обернуться рецессией в мировой экономике[19]. Еврокомиссар О.Рен оценивал сложившуюся ситуацию как реальную угрозу распада Еврозоны. Наиболее опасным казалось развитие событий в Греции, поскольку ее отделение от евросистемы могло вызвать цепную реакцию, не говоря уже об огромных материальных издержках такого шага[20]. Очередной саммит «большой восьмерки» высказался за сохранение членства Греции в Еврозоне, хотя одновременно обсуждался и вариант ее «упорядоченного» выхода.

Институциональные преобразования. В свете этих событий становилась неотложной намеченная ранее корректировка базового экономического законодательства Еврозоны/ЕС. Главная задача заключалась в том, чтобы остановить финансовую дестабилизацию, усиливавшую дисбаланс между центром и периферией Еврозоны. Проблему было решено урегулировать с двух сторон: путем создания механизма финансовой поддержки проблемных стран при одновременном ужесточении общей для всех бюджетной дисциплины.

Временная структура финансовой поддержки в виде стабилизационного фонда EFSF (440 млрд. евро с последующим увеличением этой суммы) была экстренно создана на долевых началах еще в мае 2010 года. Фонд предоставил первые займы Греции, Ирландии и Португалии, обусловив их проведением структурных антикризисных реформ. На саммите ЕС 8-9 декабря 2011 г. было принято чрезвычайно жесткое Соглашение о бюджетных правилах (Fiscal Compact), обязывающее участников поддерживать ограниченные размеры бюджетного дефицита (0,5 – 1,0% национального ВВП, в зависимости от размеров государственного долга), а страны с чрезмерным (более 60% ВВП) государственным долгом – ежегодно сокращать его на 5%. Под это соглашение была разработана детальная схема мониторинга, превентивных мер и корректировки возникающих дисбалансов. Новые правила, с которыми согласились 25 из 27 стран ЕС (отказались Великобритания и Чехия), предполагалось ввести в действие с 2013 года и включить в национальные законодательства с 2014 года.

Нараставшая на южном фланге кризисная ситуация заставила ускорить создание постоянно действующего стабилизационного института – Европейского стабилизационного механизма (ESM, в размере 500 млрд. евро), которому, в отличие от EFSF, было предоставлено право выпуска собственных облигаций. Это превращало ESM в промежуточную оперативную структуру между финансовым рынком и ЕЦБ, который по уставу не может выступать в роли «кредитора последней инстанции» для национальных банковских систем, беря на себя суверенные риски[21]. Придание ESM функций эмитента разграничило сферы ответственности банков, с одной стороны, и государств – с другой. В результате открывалась возможность прямой, через финансовый рынок, рекапитализации национальных банковских систем без параллельного роста государственного долга. Благодаря этому и ЕЦБ, со

[19] Il Sole 24 Ore, 13.06.2012.

[20] Потери Греции в случае ее выхода из Еврозоны, по оценке британских экспертов, могли бы составить 2-5% ее ВВП, а потери ее крупнейшего инвестора Франции – порядка 50 млрд. евро. – Il Sole 24 Ore, 2.06.2012.

[21] Ограниченные операции по покупке долговых обязательств проблемных стран (порядка 200 млрд. евро) ЕЦБ был вынужден все же осуществить после мая 2010 г.

своей стороны, получал возможность проводить операции по выкупу долговых обязательств проблемных стран на вторичном рынке[22].

Поскольку главной целью этого нововведения было поставить заслон финансовым спекуляциям с облигациями проблемных стран, оно получило в прессе наименование «банковского щита». В конце июля 2012 г. глава ЕЦБ М.Драги четко обозначил совершившийся сдвиг, выступив с заявлением о предстоящем «неограниченном» (хотя и обусловленном) выкупе краткосрочных (1-3 года) долговых обязательств стран, готовых обратиться к ЕЦБ с соответствующим запросом. Это выступление, поддержанное аналогичным заявлением Европейского Совета в начале августа, произвело желаемый и быстрый эффект. Ажиотаж, начавшийся вокруг долговых обязательств Испании, улегся, и в ее экономике начались обратные процессы – оживление биржи, приток банковских депозитов, улучшение платежного баланса. Испания вернулась на международный финансовый рынок, успешно разместив очередные выпуски государственных облигаций. Нормализации положения способствовало и предоставление этой стране 40 млрд. евро для реструктуризации банковской системы.

Поддержку получила и Греция: ей был выделен очередной транш финансовой помощи в размере 43,7 млрд. евро (в том числе 23,8 млрд. – на рекапитализацию банков) и продлены сроки приведения бюджетного дефицита к «приемлемому» уровню. Волатильность курсов европейских ценных бумаг стала сокращаться и к концу 2012 года упала до самого низкого уровня за последние 5 лет[23].

Создание «банковского щита» стало первым шагом в выработке компромиссного решения вопроса о дальнейшем экономическом курсе Еврозоны/ЕС. Здесь существенно разошлись позиции двух ведущих стран – Германии и Франции. Неолиберальный курс, проводимый Еврозоной с момента ее создания, исходит от Германии, ее фактического лидера и крупнейшего донора ESM, чьими усилиями удается поддерживать финансовое равновесие в условиях долгового кризиса. Но «ресурсы Германии не безграничны» (А. Меркель). Немецкое правительство считает причиной европейского долгового кризиса недостаточную в современных условиях конкурентоспособность ряда стран-членов (в том числе Франции), а средством выхода из него – проведение структурных реформ, подобных тем, которые осуществила сама Германия в предкризисный период. Речь идет, прежде всего, о реформе рынка труда, направленной на снижение удельных трудовых издержек как основы повышения конкурентоспособности.

«Одержимость структурной политикой» (по характеристике французской газеты «Фигаро») для Германии традиционна, наряду с принципами независимости Центрального банка и бюджетной децентрализации (федерализма), требующими от местных властей высокой степени ответственности за их бюджетную политику[24]. Экономическая политика Франции, напротив, тяготеет к централизации и традиционно окрашена в кейнсианские тона, признавая за государством как высшей и последней инстанцией роль эффективного участника экономического процесса. Во дискуссиях по вопросам европейской интеграции Франция ревниво охраняет свой суверенитет; в то же время в условиях нынешнего кризиса она неоднократно высказывалась за большую «солидарность» стран-партнеров, защищая, в

[22] Порядок действий таков: страна, проводящая структурные реформы, в случае спекулятивного роста «спрэда» по своим облигациям обращается к ESM с просьбой об открытии кредитной линии (которую впоследствии можно и не использовать). Стороны готовят и подписывают меморандум о намерениях. Если страна использует кредитную линию, ESM покупает ее облигации на первичном рынке (аукционе). Запрос к ESM активизирует действия ЕЦБ, который начинает аналогичные операции на вторичном рынке.

[23] Financial Times, 14.12.2012.

[24] Le Figaro, 11.06.2012.

частности, идею выпуска еврооблигаций (фактически – обобществления государственного долга). Германия отвергает такую меру, считая ее инфляционной.

Переживая и сама серьезные трудности, Франция оказалась неформальным лидером проблемных стран Южной Европы, добивающихся от руководства Еврозоны/ЕС (главным образом Германии) смягчения неолиберального курса и более щадящей бюджетной политики – разжатия «тисков» бюджетных ограничений ради возобновления экономического роста.

Поиск сближения позиций стран-членов выразился в решениях саммита ЕС 28-29 июня, который завершился опубликованием «дорожной карты» европейской интеграции на среднесрочный период. В ней впервые за время финансового кризиса акцент был перенесен (пока вербально) на меры содействия экономическому росту. Предполагается, в частности, мобилизовать 120 млрд. евро (1% совокупного ВВП ЕС) на цели инфраструктурного строительства, развитие «зеленой» энергетики, поддержку малого и среднего бизнеса и подготовку кадров, а также 80 млрд. – на развитие НИОКР. Но главное, «дорожная карта» обрисовывает перспективу упрочения основ Еврозоны/ЕС как постепенно формируемой системы «четырех союзов»: банковского, бюджетного, экономического и политического.

В вопросе о создании «банковского щита» Германия пошла навстречу Франции, на стороне которой выступали страны Южной Европы, руководство МВФ, ЕЦБ и Европейской комиссии. К их позиции присоединились и США, убеждавшие европейских партнеров разорвать усиливающую кризис связь между государственной и банковской задолженностью. В свою очередь, Германия потребовала усиления контроля ЕЦБ над всей совокупностью европейских банков, поскольку в настоящее время контроль и управление банковскими системами ведутся на национальном уровне и только координируются на наднациональном.

Следующим шагом к реализации «дорожной карты» стало подписание на саммите 13-14 декабря 2012 года соглашения о предстоящем создании банковского союза. В ближайшие полгода предполагается выработать обязательный для европейских банков свод правил – «single-rool book», должным образом согласовав его с интересами кредиторов, системой гарантий банковских вкладов и режимом поддержки отдельных стран в условиях кризиса.

Для начала под прямое наблюдение ЕЦБ будет передано 150-200 банков с активами более 30 млрд. евро каждый (или с капиталом более 20% ВВП страны происхождения). Надо отметить, что такое ограничение в наибольшей степени отвечает интересам Германии, некрупные региональные банки которой тесно связаны с правительствами земель. Но уже в 2013 г. ЕЦБ сможет контролировать все банки стран, которым оказывается внешняя помощь, и в случае необходимости будет иметь право вмешиваться в деятельность любых банков «второго ряда». На практике это означает, например, что решение о слиянии двух французских банков, оказавшихся в трудном финансовом положении, будет приниматься уже не в Париже, а во Франкфурте – в штаб-квартире ЕЦБ. Ликвидация или реформирование банков-банкротов перейдет на наднациональный уровень. «Здоровым» же банкам новая система, как ожидается, принесет облегчение административного бремени, что станет дополнительным стимулом для развития международного кредита.

Структуру ЕЦБ предполагается перестроить. Согласно предварительной схеме, в нем будет создан Наблюдательный совет из представителей 17 (национальных) контролирующих инстанций, четырех членов ЕЦБ, его президента и вице-президента. Оперативные решения будет принимать комитет «лоцманов», формируемый по ротации, что лишит крупные страны постоянного лидерства. Все главные решения Наблюдательного совета будут подлежать утверждению Совета управляющих, ответственного за общую денежно-финансовую политику.

Решение о предстоящем создании банковского союза получило высокую оценку европейских СМИ. «Этот шаг был практически немыслим в начале года, - писала «Файнэншл Таймс». – Когда в 4 часа утра европейские министры финансов согласились, наконец, передать наблюдение над сферой национального кредита Европейскому центральному банку, родилась самая амбициозная интеграционная схема с момента создания единой валюты»[25]. Аналогично высказалась французская «Монд»: «если создание в 1950 г. Европейского объединения угля и стали сделало материально невозможной войну между Францией и Германией, то данное решение делает невозможной смерть евро»[26]. Со своей стороны, глава ЕЦБ М.Драги в выступлении на Давосском форуме охарактеризовал 2012 год как «год перезапуска евро»[27].

Соглашение о банковском союзе ощутимо повышает роль ЕЦБ и его главы в системе европейских институтов. М.Драги известен как успешный в недавнем прошлом руководитель Банка Италии и один из инициаторов структурных реформ 1990-х годов в итальянской экономике. Характерно, что его первым шагом на посту руководителя ЕЦБ было проведение на рубеже 2011-2012 гг. двух операций по вливанию денежной наличности в европейскую банковскую систему (1 трлн. евро на трехлетний срок под 1%), что отодвинуло надвигавшийся «кредитный голод».

Институциональная перестройка европейской банковской системы не обещает быть простой и быстрой. Для стран ЕС, не участвующих в соглашении о банковском союзе (Великобритания, Чехия, Швеция), с его созданием встанет проблема защиты своих интересов в противовес возникающему мажоритарному блоку, который сможет квалифицированным большинством голосов устанавливать правила и утверждать решения по каждому обсуждаемому вопросу. Очевидно, что в схему придется встраивать принцип «двойного большинства». Кроме того, у многих банков, действующих в границах Еврозоны/ЕС, имеются филиалы в третьих странах, на которые полномочия ЕЦБ не распространяются. Еще более существенно, что создание системы гарантий вкладов и порядок принятия решений о судьбе банков-банкротов могут оказаться дорогостоящими. По подсчетам экспертов банка «Barclays», взносы в финансовую корпорацию, которая будет проводить ликвидацию таких банков, обойдутся европейской промышленности в 40 млрд. евро в ближайшие 10 лет. Примерно столько же будет стоить и система гарантий банковских вкладов, причем (по мнению опрошенных экспертов из банковской среды) чем дольше затянется политическое обсуждение этих вопросов, тем большими будут издержки[28].

Первые результаты реформ. Опубликованное недавно исследование ОЭСР об успехах отдельных стран в деле реформирования структуры национальных экономик («Going for Growth»)[29] констатирует, что коэффициент восприимчивости[30] к рекомендациям международных экспертов был в целом выше у стран, находившихся под давлением внешних финансовых рынков – Греции, Ирландии, Италии, Португалии, Испании и ряда других (0,59), при общем для ОЭСР индексе 0,48. Проблемные страны ввели у себя обширные программы бюджетной консолидации. У Греции и Ирландии они эквивалентны, соответственно, 22% и 17% национальных ВВП, у Португалии и Испании – 6% и 7%. Италия приняла пакет мер

[25] Financial Times, 14.12.2012.
[26] Le Monde, 14.12.2012.
[27] El Pais, 25.01.2013.
[28] Financial Times, 14.12.2012.
[29] Economic Policy Reforms.Going for Growth. OECD, 2012.
[30] Коэффициент измеряется как соотношение принимаемых мер и списка рекомендаций ОЭСР, с учетом значимости каждой конкретной реформы.

объемом 25 млрд. евро на 2011-2012 гг., урезав региональные бюджеты ближайших двух лет на 8,5 млрд. евро. Аналогичное сжатие трансфертов из центрального бюджета запланировано в Испании (на 1,2 млрд. евро, в дополнение к сокращению на 6 млрд. капиталовложений в предприятия государственного сектора) и в Португалии – на 100 млн. евро[31].

За три года кризиса проблемным странам европейской периферии было выделено 360 млрд. евро внешней помощи на сбалансирование бюджета, рекапитализацию банковских систем и рефинансирование государственного долга[32]. Политика жесткой экономии, которой была обусловлена эта поддержка, имела следствием спад производства, сжатие потребления семей и сокращение инвестиций в основной капитал, а также огромный рост безработицы (см. таблицу). Неудивительно, что 2012 год стал в этих странах годом беспрецедентно массовых проявлений социального протеста. Сотни тысяч демонстрантов требовали от своих правительств прекращения этой политики и обвиняли Брюссель (а еще больше – Германию) в попрании интересов широких слоев европейского населения.

В проблемных странах достигла критического уровня безработица молодежи. В Испании она охватывает половину молодежного контингента, в Италии – 40%, в Греции – 60%, в Ирландии – около 30%. Значительная часть молодежи не работает и не учится. Дипломированная молодежь часто вынуждена работать не по специальности, соглашаться на временную занятость, эмигрировать в поисках работы или карьеры. Затяжная безработица выросла, по сравнению с докризисным периодом, почти во всех странах Европы[33].

Таблица

	годы	ВВП рост в рыночных ценах	Вложения в основной капитал	Экспорт товаров и услуг	Импорт товаров и услуг	Дефицит бюджета	Государственный долг,% к ВВП	Баланс текущих платежей, % к ВВП	Безработица, % к активному населению
Италия	2011	0,4	-1,9	5,6	0,4	-3,8	120,6	-3,2	8,4
	2012	-2,2	-8,2	0,9	-7,3	-3,0	127,8	-0,9	10,6
	2013	-1,0	-5,1	2,6	-0,2	-2,9	130,4	0,3	11,4
Испания	2011	0,4	-5,3	7,6	-0,9	-9,4	69,3	-3,5	21,6
	2012	-1,3	-9,1	4,0	-4.5	-8,1	86,1	-2,0	25,0
	2013	-1,4	-9,0	6,4	-1,3	-6,3	92,6	0,5	26,9
Португалия	2011	-1,7	-11,3	7,5	-5,3	-4,4	108,1	-6,5	12,7
	2012	-3,1	-14,5	4,2	-6,9	-5,2	115,5	-2,9	15,5
	2013	-1,8	-6,5	3,6	-2,8	-4,9	123,1	-1,5	16,9
Греция	2011	-7,1	-19,6	0,3	-7,3	-9,5	170,5	-9,9	17,7
	2012	-6,3	-18,0	-2,9	-11,6	-6,9	176,7	-5,5	23,6
	2013	-4,5	-9,5	3,0	-4,3	-5,6	188,6	-4,6	26,7
Ирландия	2011	-1,4	-12,7	5,0	-0,3	-13,3	106,4	1,1	14,5
	2012	0,5	-7,7	3,3	-0,3	-8,1	117,3	4,0	14,8
	2013	1,3	-8,1	3,3	0,9	-7,5	121,9	5,2	14,7

2013 г. – прогноз. Источники: OECD Economic Outlook, Vol 2012, Issue 2; Banca d'Italia, Annual Report 2011.

[31] Going for Growth, p.48,55,57.

[32] Греции было предоставлено 173 млрд., Португалии – 79,5 млрд., Ирландии – 67,5 млрд., Испании – 40 млрд. евро. Кроме того, с мая 2010 г. по декабрь 2011 г. ЕЦБ выкупил долговые обязательства на сумму около 200 млрд. евро, в том числе на 100 млрд. – итальянских облигаций. – Le Monde, 1.12.2011.

[33] Going for Growth, p. 31.

Динамика основных экономических показателей «проблемных» стран. Официальная статистика и прогнозы на 2013 год свидетельствуют о снижении темпов роста европейских экономик, включая и Германию. Регион вползает в депрессию, расплачиваясь этим за стремление подтянуть показатели бюджетного дефицита к маастрихтскому нормативу (не выше 3% ВВП). Жесткая экономия «убивает» экономический рост. Требования смягчить бюджетную политику раздаются даже в относительно благополучных странах – например, Нидерландах, где профсоюзы заняли протестную позицию по отношению к правительству. «Мы должны найти правильный баланс между бюджетной консолидацией и коллективной поддержкой экономического роста.., чтобы не погубить перспективы развития», - говорил на заседании Еврогруппы министр финансов Франции П.Московичи[34].

Под давлением обстоятельств в Еврозоне/ЕС появилась тенденция к растягиванию сроков нормализации финансового положения, установленных в Соглашении о бюджетных правилах 2011 года. Для Франции, Нидерландов и Испании они были отодвинуты на 2014 год, Португалия и Ирландия просят об аналогичной отсрочке. Для Греции, переживающей уже шестой год кризиса, нормализация мыслится как сокращение объема государственного долга (достигшего 175,6% ВВП) до «приемлемого уровня» к 2020 году[35].

В документах саммита ЕС 13-14 декабря говорится о необходимости проявлять гибкость - «проводить дифференцированную и обоснованную бюджетную политику, благоприятствующую росту»[36]. Обсуждается предложение не учитывать при исчислении бюджетного дефицита осуществляемые государством производительные инвестиции, а также принимать в расчет «качественный аспект» расходов, направленных на изменение динамики экономического цикла[37]. В то же время доминирующее стремление к экономии ресурсов возобладало, под влиянием Германии и Великобритании, при разработке очередной программы регионального развития ЕС на 2014-2020 гг. Впервые за весь период разработки таких программ, считающихся основным инструментом политики конвергенции («сплочения») экономик стран-членов, объем ассигнований был сокращен (на 3,5%).

На рубеже 2012-2013 годов кульминацией протестных настроений в Еврозоне/ЕС стала предвыборная кампания в Италии – стране, дальше других продвинувшейся по пути структурных преобразований. «Техническое» правительство М.Монти, пришедшее к власти в ноябре 2011 г. с мандатом на немедленное проведение реформ, неукоснительно следовало намеченным курсом. Реформы (рынка труда, пенсионная, бюджетная, административная) были рассчитаны на среднесрочную отдачу, о чем Монти говорил неоднократно. Но углубляющаяся рецессия в экономике и обострение политической борьбы привели к правительственному кризису – отставке кабинета и назначению досрочных выборов на 24-25 февраля 2013 года. Предвыборная кампания открыла выход массовым популистски окрашенным настроениям, выражавшим неприятие «европейской политики» в ее нынешнем варианте. Прозвучало и требование выхода Италии из Еврозоны, используемое, правда, скорее как эмоциональный лозунг, способный зажечь толпу на предвыборном митинге[38].

---

[34] Il Sole 24 Ore, 5.03.2013.
[35] Il Sole 24 Ore, 6.03.2013.
[36] Цит. по Il Sole 24 Ore, 4.03.2013.
[37] Там же.
[38] Убежденные сторонники такого шага – небольшие партии «Лига Севера» и «Гражданская революция» –повели за собой не более 5% электората. По подсчетам итальянских экспертов, выход из Еврозоны обошелся бы Италии в 45% ее годичного ВВП и вызвал бы волну длительных негативных последствий. – См. подробно: Garnero A., Marcolin L. Cosa succederebbe se l'Italia tornasse alla lira? //Limes, N6, 2011.

Взрыв протестных настроений оказался настолько мощным, что личный престиж премьер-министра, поддержанного умеренными политическими силами, не смог противостоять триумфальному успеху популистского «Движения 5 звезд» во главе с самодеятельным политиком-блогером Б.Грилло. По итогам февральских выборов 2013 года эта политическая сила собрала 25,5% голосов, уступив только коалициям лево- (29,5%) и правоцентристов (29,2%). Умеренная группировка во главе с Монти получила всего 10,6% голосов.

Значение политического кризиса, завершившего 2012 год в Италии, выходит далеко за пределы этой страны – третьей по величине экономики Еврозоны. В нем наиболее полно отразилась не только кризисная ситуация южной половины европейского региона, но и необходимость переосмысления общего экономического курса в свете социально-политических реалий сегодняшнего дня. Задача заключается в том, чтобы найти приемлемый для всех компромисс, сочетающий цели финансовой стабилизации и стимулирования экономического роста – своего рода квадратуру круга - в условиях неустойчивого мирохозяйственного равновесия. Решению этой задачи будут, по-видимому, посвящены основные усилия правительств и общественности стран Европы в предстоящий период.